

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАЗЕОЛОГИИ УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

*Журакулов Рустам,
доцент СамГИИЯ*

Ключевые слова: сказочная фразеология, сравнительные, ономастические устойчивые словесные комплексы, семантическое поле, доминант.

Во фразеологии узбекских народных сказок кроме общенародной и книжной встречаются и фольклорные (1), собственно сказочные устойчивые словесные комплексы (УСК). Например, часто в сказках используются УСК для общего приёма построения контекстов (2). К этим относятся, в первую очередь, зачинные УСК (3). Многочисленны в узбекских народных сказках всевозможные устойчивые разговорные формулы (УРФ). Например, это УРФ благожелания (4) и УРФ зложелания (5).

Особо выделяется семантическое поле характерное для такого разряда узбекской сказочной фразеологии, которое описывает доминанту «смерть», «умереть»: *жон бермоқ* ‘отдать душу’ (togotoheaven) /2. С. 91 и др./; *тупроққа топишмоқ* ‘предать земле, похоронить’ (togivetoeearth) /6. С. 52/; *қазо қилмоқ* ‘скончаться’ (todie) /1. С. 240/; *охирги йўлга узатмоқ* ‘проводить в последний путь’ (seeoffonhislastjourney) /10. С. 48/; *туз-насибаси (нон-насибаси) узилмоқ*, букв.: ‘порвалась доля’ (shareisnapped) /6. С. 52/; *вақти-куни битмоқ* ‘наступил его смертный час’, букв.: ‘кончились его дни’ (hisdaysareended) /6. С. 52/; *жонини жабборга топишмоқ* ‘отдать душу жаббару’ (жаббар – всемогущественный /один из эпитетов бога/) (to give his life to Jabbar(Jabbar – almighty/ one of the epithets of God)) /10. С. 102/; *жувонмарг бўлмоқ* ‘умирать в молодости, во цвете лет’ (to die young, in the prime of life) /10. С. 41/ и др.

К этим фразеологическим единицам (ФЕ) можно добавить ещё и такие выражения, которые объединяются доминантой «уничтожить», «убить кого-либо»: *кулини кўкка совурмоқ* ‘развеять (что-либо) в прах’ (dispel (anything) in the

dust) /1. С. 21; 2. С. 43/; *тупроқ билан баравар қилмоқ* ‘сравнять с землёй’ (torazetotheground) /2. С. 43/; *терисиға сомон тикмоқ* ‘убить’, букв.: ‘набить кожу соломой’ (tokill; filltheskinwithstraw) /1. С. 5; 2. С. 7; 6. С. 56/; *ўн жонидан бир жонини ҳам қўймаслик* ‘не оставить ни одной из десяти душ’ (to leave none of the ten souls) /2. С. 45/; *тош бўрон қилмоқ* – ист. ‘забивание камнями’ (видказни, при которой человека зарывалипо грудь в землю и забивали камнями) (‘stoning to death’ (form of execution in which a man buried up to his chest in the ground and stoned)) /2. С. 19/ и т.п.

Как видно, фразеология узбекских народных сказок отличаются богатством образов и средств их языкового выражения. Велика и функциональная нагрузка большинства сказочных ФЕ. Некоторые из них представляют собой клишированные выражения, «общие места», отличающиеся высокой частотностью употребления и придающие тем самым тексту повествования особую ритмичность и композиционное единство. Именно такую роль, например, играет ФЕ *йўл юриб, йўл юрса ҳам мўл юриб* ‘долго ли, коротко ли’, букв.: ‘шел он, шел и много прошел’ (‘longorashort’, lit.: ‘hewalked, walkedandpassedalot’) /2. С. 11 и мн. др./.

В структурном отношении сказочные ФЕ часто представляют собой сочетания, в основе которых лежит:

1) повтор одного и того же слова (*юриб-юриб* ‘шел-шел’ (walked-walked); *аста-аста* ‘тихо-тихо’ (quietly); *минг-минг* ‘очень много’, букв.: ‘тысяча-тысяча’ (a lot, lit.: thousand-thousand); *лиқ-лиқ* ‘полный-полный’ (chock-full); *сандиқ-*

сандиқ ‘очень много’, букв.: ‘ларец-ларец’ (a lot, lit.: casket, casket) и др.);

2) тавтологический повтор однокоренных слов (*кува-қув* ‘погоня’, букв.: ‘догони-догони’ (‘chase’ lit.: Catch-Catch); *етар-етмасдан* ‘не доходя’ (not reaching); *дегани-деган* ‘сказано-сделано’, букв.: ‘что он сказал, сделает’ (Said than done, lit.: hesaidhewoulddo); *бирма-бир* ‘от и до’, букв.: ‘по одному’ (fromandtill, lit.: (oneatatime) onebyone); *яккама-якка* ‘один на один’ (one on one) и т.п.);

3) повтор синонимов (*ган-сўз* ‘разговоры’, букв.: ‘высказывание-слово’ (conversations, talks, lit.: utterance-word); *тўлиб-тоииб* ‘нетерпимый’, букв.: ‘полный-наполненный’ (intolerant, impatient, lit.: full-filled); *тилло-гавҳар* ‘золото-бриллиант’ (gold-diamond); *хат-хабар* ‘вести’, букв.: ‘письмо-весть’ (news lit.: letter-news); *оҳ-воҳ* ‘ах-вах’ (ah-vah); *ога-уни* ‘братья’ (brothers); *тўй-томоша* ‘пир-веселье’ (feast-fun); *эс-хуш* ‘ум’ (mind); *расм-русм* ‘обычай’ (custom); *қадди-қомат* ‘фигура’ (figure) и мн. др.);

4) повтор антонимов (*паст-баланд* ‘всякие-разные’, букв.: ‘низкий-высокий’ (all-different, lit.: low-to-high), *яхши-ёмон* ‘всякие-разные’, букв.: ‘хороший-плохой’ (all-different, lit.: good-bad); *ўлик-тиригимизда* ‘в радостные и печальные дни’, букв.: ‘когда мы мертвы и когда мы живые’ (in happy and sad days, lit.: when we are dead and when we alive); *шоҳу-гадо* ‘все’, букв.: ‘и царь, и нищий’ (all, lit.: the king and the beggar); *борди-келди* ‘взаимопосещение’, букв.: ‘пошел-пришел’ (mutual visit, lit.: went-came); *у ёққа-бу ёққа* ‘туда-сюда’ (hitherandthither (hereandthere)) и мн. др.).

Очевидно при этом и активная деривационная роль различных моделей; ср. следующие ФЕ-тавтологизмы: *кундан-кун*, *ойдан-ой*, *йилдан-йил* *ўтиб* ‘шли дни за днями, месяцы за месяцами, годы за годами’ (days passed after days, months after months, years after years); *кунлар кетидан кунлар*, *тунлар кетидан тунлар* *ўтаверибди* ‘проходили дни за днями, ночи за ночами’ (days passed after days, nights after nights); *қирқ кеча*, *қирқ кундуз*

‘сорок дней, сорок ночей’ (forty days and forty nights) и др.

Красочностью образов отличаются в узбекских народных сказках сравнительные устойчивые словесные комплексы. Они нередко составляют группы тематически близких, сходных фразеологических единиц. Прежде всего, здесь можно выделить группу сравнительных фразеологизмов, называющих красавиц, пери, юных девушек, любимых дочерей, принцесс: *ойдай гўзал* ‘красивая, как луна’ /7. С. 88/; *ўн тўрт кечалик ойдек* ‘как четырнадцатиночная луна’ /1. С. 89; 2. С. 46, 108/; *ой деса дегудек (қизим бор)* ‘если назвать луной, то действительно, как луна’ (моя дочь) /8. С. 12/; *оймисан-кунмисан* ‘луна ли ты, солнце ли ты’ /10. С. 33/;

При построении сказочного образа красавицы на передний план может выдвигаться характеристика с особой приметой. Например, описывается лицо: *ўн тўрт кунлик тўлган ойдек юз* ‘лицо, как четырнадцатидневная полная луна’ /2. С. 108/; *нақш олмадай юзи* ‘лицо, как красное яблоко’ /2. С. 46; 10. С. 43, 46/; *юзлари кундек* ‘лицо, как солнце’ /2. С. 39/. Но чаще в узбекских народных сказках комплексно метафорически обыгрываются различные характеристики красавицы: одновременно воспеваются красота лица, бровей, волос: *жамоли ойдек, қошлари ёйдек, юзлари кундек, сочлари тундек* ‘красота подобна луне, брови, как лук, лицо, как солнце, волосы, как ночь’ /2. С. 37/ или же последовательно описываются стан, лицо, тело, глаза, брови, волосы девушки: *қадди-қомати шамшоддек, юзлари қизил нақш олмадай, баданлари сутга чайқаб олингандай, катта-катта кўзлари қоп-қора чаросдай, қоши унга монанд, ундан ҳам сара, сочи минг қора илондай тўлганиб, товониға кулча ураркан* ‘стан, как самшит, лицо, как красное яблоко, тело, как будто его вымыли (прополоскали) в молоке, большие глаза, как черный чарас (чарас – название сорта винограда), брови ещё чернее, волосы извивались, как тысяча черных змей, и клубочком доходили до пяток’ /10. С. 46/.

Отдельные сравнения отличаются особой частотностью употребления, переходя из сказки в сказку, например, сравнительная ФЕ *ой деса огзи бор, кун деса, кўзи бор* ‘если назвать луной, то у нее рот есть, если назвать солнцем, то у нее глаза есть’ /1. С. 77, 89; 3. С. 17, 24, 28; 10. С. 43 и др./.

Комплексное построение образа сказочной красавицы приводит к клишированной стабилизации довольно больших по объему текстовых фрагментов, аккумулируя в них эстетические вкусы узбекского народа, его представления о красоте, доброте, нравственных ценностях. Ср. показательный в этом отношении следующий устойчивый фрагмент с общим значением красавицы: *Ой деса огзи бор, кун деса, кўзи бор, шақ-шақан жамоли ўн тўрт кечали ойни хира қилар экан. Сув ичса томогидан, сабзи еса биқинидан кўринар экан* ‘Перед неопикуемой красотой меркла четырнадцатичная луна. Когда она пьет воду – видно в горле, а когда морковь есть – сбоку видно’ /1. С. 89; 10. С. 43/.

Насыщенность подобными клишированными фрагментами узбекского сказочного контекста может быть довольно значительной: *табассуми мойдек, қошлари ёйдек, кўзлари хумор, сўзлари асалдай ширин қиз турганмиш, кокиллари қирқ аргамчидай, чаққон кўллари қамчидай, нозик беллари хивчиндай эмиш* ‘стояла девушка – улыбка, как масло, брови, как лук, глаза темные, слова, как мед, сладкие, у нее косы, как сорок веревок, ловкие руки, как кнут, нежный стройный стан (букв.: ‘поясница’), как прут’ /10. С. 63/.

Аналогично построен на комплексе образных сравнений с единой семантико-образной доминантой «красавица» и такой сказочный контекст: *Кўзи чўлпон юлдузга ўхшар, юзи ойга ўхшаркан. Юрса изидан гул унаркан. Ойга қарагандек бўлса, ой уялганидан булут ортига яширинаркан. Овозига булбуллар маст бўлар, нигоҳидан гуллар нусха оларкан* ‘Глаза, как утренняя звезда, лицо, как луна. Если она шла, то из следов вырастал цветок. Если она

смотрела на луну, луна, застеснявшись, скрывалась за тучи. От голоса ее пьянели соловьи, с ее взгляда принимали узоры цветы’ /7. С. 99/.

Подобные усложненные образы, основанные на обыгрывании большого числа характеристик объекта описания, используются по отношению и к другим сказочным персонажам. Ср. описание дива: *бўйи минордек, ҳар кифти чинордек, огзи гордек, бурни мисли тандирдек, бадани филнинг баданига ўхшаган* ‘Рост, как минарет, каждое плечо точно чинар, рот, как пещера, нос, как тандыр (печь для лепешек), тело, как у слона’ /2. С. 47/.

Образные сравнения передают в сказках и различные характеристики отрицательных персонажей. Например, по отношению к одному из подобных персонажей употребляются такие сравнения: *лойга ботган эшакдек* ‘как осел, увязнувший в грязи’ /1. С. 97/; *ўқ еган тўнгиздай* ‘как подстреленный кабан’ /1. С. 96/; *ичак еган итдай* ‘как собака, съевшая кишки’ /1. С. 313/.

Кроме этого довольно колоритны в языке узбекских народных сказок ономастические УСК. Они называют прежде всего различные сказочные персонажи (преимущественно отрицательные): *Yalmog‘iz kampir* ‘баба-яга’ /2. С. 4 и др./; *Maston kampir* ‘хитрая, коварная старуха’ /7. С. 72/; *Jodugar kampir* ‘колдунья’ /3. С. 47; 8. С. 134/; *Dev-kampir* ‘Див-старуха’ /10. С. 92/; *Makkor kampir* ‘хитрая, коварная старуха’ /2. С. 75/; *Shum kampir* ‘злая старуха’ /2. С. 27/; *Zohid kampir* ‘подвижница’ /2. С. 75/.

Целая серия устойчивых обозначений *бабы-яги* (злой старухи) поддерживается в сказочном контексте их нередкой взаимозаменяемостью в пределах одного повествования. Ср.: ... *Kirib kelganimni ham bilishmadi. Nega shunday qildinglar, yo ajdarho kirib kelib, bitta-bitta yesinmi? – deb m a s t o n*

k a m p i r kelib qolibdi. Devlar uni tomo deyishib, nima yomonliklari bo‘lsa, u bilan qilisharkan. Y a l m o g‘ i z k a m p i r Asqarbekni ko‘rib: - Bu kim, nima qilib yuribdi buyoqlarda?... «Даже не заметили,

как я сюда зашла. Почему так поступили, или пусть заходит дракон и съест всех вас до единого? – сказав так, появилась *мастон кампыр*. Дивы, называя ее кормилицей, все свои плохие поступки совершали с ней. *Ялмагиз кампыр*, увидев Аскарбека, спросила: - Это кто такой, что он делает в этих краях?...» /10. С.35/.

Иногда при некоторых динамично протекающих разговорных ситуациях рассматриваемые ономастические УСК сжимаются до одного компонента: *Yalmog'iz kampir* – *Yalmog'iz*; *Jodugar kampir* – *Jodugar*. Ср.: *Y a l m o g' i z*: - *Ho y, kimlarga yalinyapsizlar. Axir, bular sen aytgan odamzoddan-ku?! – degan ekan, devlar podshosi*: - *Jim bo'l, j o d u g a r, axir bular Ajdarhobekning inilari-ku!...* “*Ялмагиз* сказала: - Эй, кого вы умоляете? Они же из человеческого рода, о которых ты сам говорил?! Царь дивов ей ответил: - Замолчи, *жадугар*, они же братья Аждархабека!...” /10. С.39/.

Разнообразны в узбекских народных сказок устойчивые названия дивов. Этот ряд обозначений строится на обыгрывании разных цветов: *Oqdev* ‘Белый див’ /8. С. 100; 9. С. 75; 10. С. 43/; *Qoradev* ‘Черный див’ /8. С. 9; 9. С. 10; 10. С. 52/; *Qizil dev* ‘Красный див’ /10. С. 119, 141/; *Sariq dev* ‘Желтый див’ /9. С. 75/; *Ko'k dev* ‘Синий див’ /9. С. 119/; *Qashqa dev* ‘Див с отметиной на лбу’ /9. С. 75/.

Из других клишированных названий персонажей узбекских народных сказок можно отметить следующие: *Ilon sulton* ‘Царь-змея’ /9. С. 135/; *Ilon pari* ‘Змея пэри’ /9. С. 3/; *Olov ajdar* ‘Дракон-огонь’

/8. С. 111/; *Pari paykar* ‘Прекрасная перь’ /10. С. 43/.

Выделяются устойчивые названия мест, где происходят, развиваются действия сказки: *Ko'hiqof* ‘горы Каф (сказочные горы, якобы окаймляющие со всех сторон землю)’ /2. С. 4; 5. С. 95; 9. С. 17/; *Bog'i Eram* ‘Райский сад’ /2. С. 106/; *Borsa-kelmas* ‘место, откуда нет возврата’, букв.: ‘если пойдет – не вернется’ /2. С. 4; 4. С. 121/; *Yonar daryo* ‘Горящая река’ /2. С. 141/; *Qora tog'* ‘Черная гора’ /10. С. 41/ и др.

Названия ирреальных атрибутов сказочного действия персонажей, описания сказочного мира: *uchar gilam* ‘ковер-самолет’, букв.: ‘летающий ковер’ /6. С. 102; 10. С. 86/; *oynai jahon* ‘волшебное зеркало’, букв.: ‘зерцало мира’ /2. С. 29; 6. С. 102/; *sehrli qalpoq* ‘волшебная тюбетейка’ /8. С. 19; 10. С. 78/; *oltin baliq* ‘золотая рыба’ /9. С. 75/; *baxt qushi* ‘птица счастья’ /10. С. 66/; *oltinolma* ‘золотое яблоко’ /1. С. 28; 6. С. 102/; *uchar ot* ‘летающий (волшебный) конь’ /2. С. 57/; *qirq qozon* ‘сорок котлов’ /2. С. 29/; *shifobaxsh hovuz* ‘целебный пруд’ /2. С. 13/; *hayot guli* ‘цветок жизни’ /7. С. 124/ и др.

Все это придает фразеологии узбекских народных сказок особую мелодичность, яркий колорит, неповторимую свежесть образов, точность языка и стиля. Устойчивые словесные комплексы узбекских народных сказок отличаются своеобразием, передают национальный колорит и имеют большое значение в изучении узбекского языка и языка узбекского фольклора.

Литература:

1. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд: СамГУ, 1973. – С.171-180.
2. Бушуй А.М. Сущность языка как проблема общей лингвистики. – Самарканд: СамГИИЯ, 2004. – 90 с.
3. Журакулов Р.Д. Зачинные устойчивые словесные комплексы узбекских народных сказок//*Til va ijtimoiy-madaniy mulqotlar. Respublika ilmiy-amaliy anjumani materiallari*. 2013-yil 26-27-aprel. 1-kitob. - Сам.: СамГИИЯ, 2013, С. 84-85.
4. Журакулов Р.Д. Устойчивые разговорные формулы благожелания// “Алма матер”. - Samarqand, SamDCHTI, 2014. В. 40-42.

5. Журакулов Р.Д. Устойчивые разговорные формулы зложелания// “Алма матер”. - Samarqand, SamDCHTI, 2014.

Список использованных источников

1. Oltinolma. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent, 1966.
2. O‘zbek xalq ertaklari. To‘plam. – Toshkent: “Yosh gvardiya”, 1981.
3. Oyjamol. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent, 1969.
4. Oltin baliq. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent, 1985.
5. Kulsa – gul, yig‘lasa – dur. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent, 1983.
6. O‘zbek xalq ertaklari. To‘plam. – Toshkent, “Yosh gvardiya”, 1985.
7. Oymomoda ajdarho. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent: “Yosh gvardiya”, 1983.
8. Qora dev. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent: “Yosh gvardiya”, 1984.
9. Ilon pari. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent: “Yosh gvardiya”, 1985.
10. Yonar daryo. O‘zbek xalq ertaklari. – Toshkent: “Yosh gvardiya”, 1986.

Жўрақулов Р. Ўзбек халқ эртаклари фразеологиясининг хусусиятлари ҳақида. Мақолада ўзбек халқ эртаклари фразеологияси юзасидан олиб борилган тадқиқотлар натижалари, уларнинг семантик, структур ва бошқа хусусиятлари келтирилган. Фақат эртакларга хос турғун сўз бирикмалари алоҳида ажратиб кўрсатилган.

Juraqulov R. On the peculiarities of the phraseology of Uzbek folk tales. The article presents the results of scientific research on the phraseology of Uzbek folk tales, its features in the semantic, structural and other plans. Self-fabulous stable verbal complexes are distinguished.